

И. И. ЛЮКСЕНБУРГ
Челябинский университет

Саткинская частушка (по записям последних лет)

Частушка — наиболее продуктивный нетрадиционный жанр русского песенного фольклора. В последней трети XIX в. она получила широкое распространение в рабочей среде. Одним из доминирующих и любимых жанров частушка становится на последующих этапах развития рабочего фольклора.

Частушки городов и рабочих поселков Саткинского района Челябинской области привлекли наше внимание потому, что, во-первых, этот район уже более двух веков является одним из центров горнозаводской зоны Южноуральского промышленного региона. Знаменит он своим старым металлургическим заводом, крупнейшим в Европе комбинатом «Магnezит», Бакальскими рудниками, запасами бокситов и сидерита. Во-вторых, на территории района проживают ныне десятки тысяч потомков той социальной прослойки «полурабочих — полукрестьян», выходцев из центра России, Сибири, Башкирии, которые впоследствии составили один из самых ранних отрядов рабочего класса. Наконец, саткинская частушка вот уже более полувека привлекает внимание собирателей и исследователей (В. П. Бирюков, И. С. Зайцев, В. Е. Гусев, А. И. Лазарев и др.).

При написании данной статьи были использованы материалы фольклорных экспедиций последних лет челябинских вузов: университета, института культуры, педагогического института.

Эти материалы и собственная собирательская практика приводят нас к выводу: саткинская частушка, уменьшаясь количественно, растет качественно. В Саткинском районе распространено значительное количество частушечных напевов (нами их зафиксировано более тридцати). Среди них «садовая», «подгорная», «сербияночка», «совеганочка», «иркутяночка», «камаринская», «мамынька» и др.¹

Ты садова, ты садова,
Ты садовая моя.
Заморозила садова
Под окошком у тебя.

Ты подгорна, ты подгорна,
Широкая улица.
До свиданья, уезжаю,
Дорогая умница.

¹ Примеры частушек, кроме оговоренных специально, взяты из фольклорного архива Челябинского университета. Записи сделаны в Саткинском районе с 1977 по 1984 г.

Сербияны сено косят,
Сербияночки гребут.
Сербияны уезжают,
Сербияночки ревут.
Пойдешь, али нет,
Я возьму — согреюся.

Пойдешь, али нет,
А я пронадеюся.
Мой миленочек молоденький,
Полушубочек коротенький.
Почему же ты не женишься?
От судьбы никак не денешься.

Экспедициями записаны частушки всех типов, зафиксированных в классификациях Н. П. Колпаковой², В. С. Бахтина³. Больше всего «собственно частушек»:

Я милого провожала,
Пролила немало слез.
На прощанье целовала
Не его, а паровоз.

Не сахар ли был
На столе растаял.
Не милый ли был —
Сиротой оставил.

Я с любимым замерзаю
Не от сильных холодов.
Оттого я замерзаю,
Что не слышу жарких слов.

Ох ты шаль, моя шаль,
Серая, суконная.
Раньше милочка была,
Теперь жена законная.

Немало частушек плясовых:

Я плясать-то не умею,
Мало-мало топаю.
Отчего я не умею —
С детских лет работаю.

Эх, миленький мой,
Косорыленький мой,
Сядь на лавку, гляди в печь
Как я буду блины печь.

Дорогой, дорогой,
Дорожила я тобой.
А теперь, дорогой,
Дорожу всегда собой.

— Поцелуй, поцелуй,
Моя поцеловочка.
— Было время — целовал,
Теперь забастовочка.

Реже встречаются «семеновна» и «страдания»:

Ах, Семеновна,
Моя милая,
Я пришел к тебе,
А ты унылая.

Ой-я-е, страдаю — таю,
Не просушивая глаз...
Ни о ком так не страдаю,
Как, мой миленький, о вас...

В основном напевы, распространенные в Саткинском районе, общеизвестны, являются вариациями общерусских напевов, но обращают на себя внимание напевы, имеющие локальную окраску и прикреплённость. Так, уроженец поселка Рудничный Д. Н. Токарев (1903 г. рожд.) спел нам «рудничные» частушки, а супруги Кутузовы из того же поселка напели варианты «подгорной», «садовой», «сербиянки» так, как их исполняют в Юрюзани, а также «месединские» и «первухинские» частушки:

Широка и глубока
Месединочка-река.
Дай, подружка, скамеечку
Для милки-игрока.

Ой, миленький мой,
Не на ту нарвался,
Провела и вывела,
Ты не догадался.

² Колпакова Н. П. Типы народной частушки // Русский фольклор. М.; Л., 1966. Вып. 10. С. 279.

³ Частушки. М., 1966. С. 10.

Как айлинские ребята
Экономию ведут:
Из ковша воды напьются,
Будто пьяные идут.
В парамоновку ходить —
Грязи по колено.

Парамоновских любить —
Надо брать полено.
Сулея ты, Сулея,
Куваши и Сатка.
Прощай, милая моя,
Здесь нам пересадка.

Сами исполнители все большее значение придают характеру напева, его ритмике и темпу, различая наигрыши («улошные», «вечерошные», «катавская», «рудничная», «плясовая» и т. п.). В связи с этим меняется и набор соответствующих текстов. Все это приводит к увеличению числа частушечных циклов и спевов. Например:

Дорога подруга Люба,
Пойдем вехи становить,
Чтобы нашим ухажемам
Было весело ходить.

Подружка моя,
Я пойду оденуся.
С моим милым посиди.
На тебя надеюся.

Подружка моя,
Как не обижаться?
Я только отошла —
Ты уж целоваться!

Дорога подруга Люба,
Не пойду я становить,
У меня матани нету —
Ко мне некому ходить...

Подружка моя,
Иди, одевайся,
С твоим милым посижу,
Ты не обижайся.

Подружка моя,
У нас миленький один.
Ты ревнуешь, я ревную —
Давай его продадим.

Талантливые исполнители привносят много своего в тексты и напевы частушек. Тот же Ф. И. Кутузов на просьбу исполнить «семеновну» с удовольствием откликнулся, но заметил, что «в телевизоре ее играют, но она там не сформирована». От него записаны и «старорудничные» частушки, которые «мало знают»:

Под окошком ручеек,
Брала воду на чаек.
Меня милый провожает
Не в последний вечерок.

Женись, разойдись —
Везде бедным будешь.
А меня, девчоночку,
Сроду не забудешь.

Федор Иванович, хорошо владея гармошкой, наиграл нам довольно сложную мелодию «никаноркиных» (по имени автора — земляка Кутузова Никанора Степановича Игнатова) частушек, сказав, что точно воспроизвести мелодию он не может, так как «непознавательная она».

Для исполнительской манеры этого района характерно смешение северорусской и южнорусской манер пения. Этот факт фиксируется частушкой:

У симпати моего
Поговорочка на «о».
А я, глупая девчоночка,
Влюбилась в него.

У моего, у мово
Поговорочка на «о».
Я за ту за поговорочку
Люблю его всего.

Характерно также редкое подключение головного регистра (в основном используется грудной), запев частушки в хоре пору-

чается низким голосам, распространено двухголосие с эпизодическим подключением третьего голоса. Плясовая частушка поется, как правило, на октаву выше, речитативом, переходящим во время пляски на крик. В традиции этого района разрыв двух частушек проигрышем, исполняемым на гармоні, балалайке, мандолине или просто на губах (частушки «под язык»):

Мила роза, мила роза,
Я герань бордовая.
Тыр-да дыр-да, тыр-да, дыр-да
Тыр-да дыр-да, дыр-да-да
Не за то ли, милый, любишь,
Что я чернобровая?

Отбивай, подруга, друга
Отбивай — твоя рука.
Ой-я, ой-я, ой-я, горько,
Уродись, моя любовь,
Хотя б еще настолько.
Я, молоденька девчонка,
Устаю от дурака.

Среди исполнителей много мужчин и, соответственно, мужских частушек, отличающихся лихостью и некоторой грубостью.

Широко распространены частушки о гармонисте, об отношении к нему, о самих инструментах — гармоні, балалайке, которые иногда даже включены в сюжетную ситуацию:

Гармониста я любила,
Гармониста тешила.
Ему на правое плечо
Сама гармошку вешала.
Где-то, где-то заиграло,
Где-то затальянило.
Не за милку пришли сватать,
Только лавки заняли.

В балалайку кто играет,
Тому холодно рукам.
Подойди, милый, к окошку,
Я перчаточки подам.
Балалаечка на ленте,
А двухрядка на ремне.
С балалаечкой к подружке,
А с двухрядкою ко мне.

В Саткинском районе мы записывали в основном частушки, рабочие не по содержанию, а по бытованию в рабочей среде.

Частушек, отражающих производственный процесс, жизнь рабочего человека на заводе, в шахте, руднике, немного. Как правило, это старые частушки:

Оха, оха, дело плохо
Нам, матанечка, с тобой,
Нам, матанечка, с тобой,
Караульщик надо мной.
Караульщика убьем,
Мы в остроге проживем.

Ох, товарищи, товарищи,
Не выдайте меня.
В тюрьму каменну посадят,
Вы проведайте меня.

Больше встречается частушек, в которых приметы старой жизни, быта, недавнего исторического прошлого, упоминания о производстве, работе служат фоном, входя в одну из частей параллелизма:

По железному канату
Вагонеточка бежит.
Как по старой-то любви
Милый у сердца лежит.

О-хо-хо, орехи сладки,
О-хо-хо, волошкие,
О-хо-хо, ребята славны,
Наши околотские.

Как во Сатке, во заводе
Перелопались трубы.
Как, матаня, ни старайся,
Пропадут твои труды.

Мне не надо чичи-винчи
На высоких каблуках
Мне бы личико красиво,
Ничего, что в лапотках.

Для поэтического языка саткинской частушки характерны: паратактический синтаксис (т. е. соположение элементов без формальной синтаксической зависимости):

Подружка моя,
Не гляди в окошко:
У тебя глаза большие,
Зубы с веретешко.

Логический и реже психологический параллелизм, выраженный сложными конструкциями бессоюзного типа:

Сорвала я, сорвала
Веточку малинову.
Посылаем мы привет
Климу Ворошилову.

У рябины лист узорный,
Кисти красные, как кровь.
Мы с миленком делим вместе
И работу, и любовь.

Частушки Саткинского района в основном построены на принципе «сквозного развития»:

Два полсердца у меня
Бьются каждый вечер.
Взял бы ты одно из них,
Мне бы стало легче.

Если бросишь меня, милый,
Ошибешься, дорогой.
Может, я и не красива,
А характер золотой.

Большинство частушек построено в форме монолога, но встречается и диалог:

Милый в армию поехал,
Я кричала: «Воротись!»
Его голос раздавался:
«Через три года дождись!»

— Дорогой, куда поехал?
— Дорогая, в Щучино.
— Дорогой, возьми с собою!
— Куда такое чучело.

Распространены повторы, тавтологические сочетания, особенно в плясовых частушках:

Подружка, шаль, подружка, шаль,
Подружка, шаль пуховая.
Подружка, жаль, подружка, жаль
Парнишку чернобрового.

Карн глазки, каре-каре,
Каре-кареватые.
Вы не бойтесь за меня,
Сами виноватые.

Языку частушки свойственна игра словами и неологизация. Это придает особую выразительность звуковому ряду:

Шила я ширье-вырье
Ширье-вырье не совладать.
Лучше шивере на выверье
Ширье-вырье продать.

Мой миленок-удивленок,
Удивлюшечка моя.
Удивлялся, забавлялся
На коленях у меня.

В саткинских частушках мы находим символику, в основе которой иносказание, тропы и фигуры. Постоянным художест-

венным средством частушки, особенно плясовой, является звучная и четкая рифма, внутренняя и внешняя, последняя чаще всего перекрестная. В лексике распространены уменьшительно-ласкательные суффиксы и смешение разностилевых лексических элементов. Саткинская частушка рабочих уменьшилась количественно, но несомненен рост ее качества: совершенствуется ее поэтика, обогащается лексика, развивается ритмика и мелодика, появляются частушечные циклы и спевы. Частушки городов и поселков Саткинского района, по сути, являются рабочими лишь по среде бытования и распространения. Саткинская частушка является частью общерусского частушечного фонда.

И. Ю. КАРТАШЕВА
Челябинский университет

Эстетическая природа прозвищ (на материале рабочего фольклора Урала)

Прозвища давно привлекают внимание собирателей и исследователей. Но проблема их эстетической природы до сих пор не решена. Это объясняется тем, что этнографические и лингвистические качества прозвищ более отчетливы и легче поддаются анализу, нежели художественные. Между тем еще Н. Ф. Сумцов указывал, что прозвища являются выражением духовной жизни народа: «Можно сказать, что в создании фамильных прозвищ выступает в виде частного проявления тот же творческий дух народа, который в более ясных и отчетливых формах выразился в песнях, пословицах и поговорках»¹. Советская исследовательница А. П. Селявская характеризует прозвища как открытую книгу народной эстетической аксиологии, своеобразную питательную среду крупных фольклорных форм².

В данной статье мы попытаемся более подробно рассмотреть эстетические качества прозвищ на уральском материале.

Очевидно, что прозвища тесно связаны с бытом народа, отражают реальные признаки их носителей: внешний облик, манеру говорить, одеваться, занятия, вид труда, бытовые традиции. Ученые неоднократно пытались более точно установить те свойства, на которые опираются прозвища. Однако при всей кажущейся полноте этих классификаций ряд прозвищ либо не

¹ Сумцов Н. Ф. Малорусские фамильные прозвания//Киевская старина. 1885. Т. 2. С. 215—216.

² Селявская А. П. Эстетика слова//Эстетические особенности фольклора. Улан-Удэ, 1969. С. 50.